

СЕГОДНЯ исполняется год со дня смерти Юрия Никулина. Рассказать об артисте мы попросили его близкого друга, психолога и журналиста, Владимира Шахиджаняна. Но неожиданно выяснилось, что у него есть уникальная кассета, записанная в последние дни жизни Никулина.

— Владимир Владимирович, как вы познакомились с Никулиным?

— Двадцать семь лет назад я делал беседу с Юрием Владимировичем для журнала «Искусство кино», которая и стала конспектом нашей книжки «Почти серьезно...».

— Вы долго работали с Никулиным над этой книгой?

— Семь лет. Первые два года я почти каждый день приезжал к нему домой, а следующие два — так же часто

бывал у меня он. Я ездил вместе с Юрием Владимировичем по всем городам, где он гастролировал с цирком.

— Если вы так много с ним общались, вы должны знать, в чем секрет популярности Никулина.

— Вокруг Юрия Владимировича всегда создавалась атмосфера, в которой всем всегда было хорошо и легко. Зритель не мог этого не чувствовать.

— Не считаете ли вы неэтичным публиковать свои личные разговоры с близким вам человеком?

— Юрий Владимирович знал, что я его всегда записываю. Он говорил так интересно, а я всегда боялся что-нибудь забыть — анекдот, интересную историю. Это было как бы органичным продолжением нашей работы над книгой.

...НИКУЛИН Юрий Владимирович лег на обследование в клинику Александра Бронштейна на шоссе Энтузиастов. Одна из лучших клиник страны.

Пока лежал и обследовался, готовился к операции, с удовольствием смотрел телевизор, читал книги, встречался с друзьями. Он не любил отдыхать. Не любил просто лежать. Терпеть не мог одиночества. Если никого не было в палате, никто не звонил, по телевизору не шел интересный фильм, он сам кому-то звонил, вел разговоры с врачами, медсестрами. Не о своей болезни, о жизни.

Я часто звонил и приходил к нему. Разговоры записывал на магнитофон. Почему? Это вошло в привычку...

Звонок. Больница. Вечер.

Я пришел домой. Включил автоответчик.

Голос Никулина.

«Дорогой Володя. Это Никулин. Ты где-то гуляешь. Я в больнице. Хотел поговорить. Звони. Никулин».

Я тут же перезвонил.

— Ты так хорошо и мягко говорил. Неторопливо, — начинаю разговор.

— (Смеется). А чего... Время есть...

Это как муж, да, раньше... Вот, анекдот, знаешь, первый год они женаты. Он звонит и говорит: «Милая девочка, сейчас я приезжаю. Значит, я надеюсь, ничего купить не нужно. Ну, я думаю, все есть. Обед готов. Ну, давай, разогревай. Я ровно через сорок минут буду. Целую крепко». Проходит еще полгода. Он звонит: «Ну вот, я освободился. Обед готов, да? Ну я выезжаю, давай». Проходит еще год. Звонок по телефону: «Оля». Она говорит: «Да». — «Грей». (Кашляет). А у меня время есть. Я в больнице. Были у меня сегодня интересные люди. Говорили о болезни. Да... Продление, если не делать операции, это мне может стоить жизни. И я подчиняюсь.

А только что ушла Танечка. Хороший доктор. Я ее спросил: а кто сегодня ночью дежурный врач? Она говорит: «Один гинеколог». Я сказал, если у меня начнутся схватки, я его вызову. Она смеялась.

Читаю книжки. Много хороших книжек. Интересные.

Маша была (невестка. — В. Ш.). Она привезла внуков на десять минут. Они меня поцеловали. У одного в руках была колода карт, у другого — машинка.

На следующий день звонок.

— Были у меня Максим и Таня. С ними врачи говорили отдельно от меня. Потом они пришли все вместе. Ну мало радости я от этого испытывал. Раньше говорили, что там перемычку нужно сделать, а тут уже начали говорить — стоит сделать вторую операцию. Уже назвали ее операцией. Как-то не так все. Там у меня в одном месте сужение, оно грозит мне, если не убрать, оно не даст жить дальше. Поэтому они сказали мне, не хочу ли я кого-нибудь пригласить как консультанта, может быть, у меня есть лечащий врач... Александр Бронштейн сказал, что мы все сделаем... Меня завтра будут готовить. Сегодня мне нельзя подниматься с кровати... А скорее всего в четверг будет операция.

Мы сегодня долго говорили с Сашей (Бронштейном. — В. Ш.). Он замечательный. Хорошо поговорили.

— Я сегодня был у тебя. Зашел. Но ты так сладко спал. Мне показалось,

«Я ТЕПЕРЬ НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ!»

говорил за два дня до смерти Юрий Никулин.
Писатель Владимир Шахиджанян передал
«Комсомолке» уникальные записи самых
последних бесед со знаменитым артистом

Юрий Никулин с женой Таней: они были очень счастливой парой...

что ты видишь такие славные сны...

— У меня сегодня было так: как закрываю глаза, так я сразу начинаю видеть сон... этого раньше не было ни разу.

— Алло! — спокойный голос Юрия Владимировича.

(Чаще всего, беря трубку, он произносил не «алло», а свое: если настроение хорошее — «у аппарата», если настраивался на деловой разговор — «у телефона», если был задержан — «слушаю», если хотел кого-то раззадорить, произносил: «Никулин»).

— Ну, что нового?

— Прочел книгу Михаила Козакова. Отличная книга.

Мы говорим о книге, о Михаиле Козакове.

Я вспоминаю случай, который Юрий Владимирович рассказывал несколько лет назад.

В «Современнике» отмечали премьеру «Двое на качелях». Праздновали в ресторане «Прага». И вот уже все уходят, Никулин спускается по лестнице вместе с Михаилом Козаковым и говорит ему:

— Миша, все хорошо ты играл, но вот апач плохо делал.

(Апач — иллюзия клоунской пощечины в цирке).

— Хочешь, — продолжает Никулин, —

покажу, как надо? Ударь меня.

Михаил Козаков «дает пощечину» Никулину. Никулин хлопает ладонями. Звук громкий, звонкий, точный.

Мимо проходит подполковник. Видит, что быют Никулина. Козакова он не узнает. Тогда он хватается за горло Михаила Козакова и начинает сильно его метель...

— Да что вы, что вы, — кричит Козаков, — мы артисты, это апач. Мы понарошку.

А подполковник не унимается: «Я тебе врежу сейчас по-настоящему, будешь знать, как приставать к Никулину понарошку».

Потом все смеялись...

— Как ты спал?

— Не очень хорошо. Я поздно лег, а потом проснулся. Было сердцебиение. Врачи это объясняют легкими. Легкие плохие у меня.

Врач принес мне нитроглицерин. Сказал, как только будет боль, чтобы принимал. Раньше они боялись, у меня глаукома. А потом сказали, что у меня угловая глаукома, и можно при ней принимать нитроглицерин. Вот так, все вокруг болезни.

Звонил мне из цирка Саша Фриш.

Намечается открытие музея цирка — артисты соберутся, ветераны. Я должен быть, но нет... Так обидно, так хотелось... Я же обещал.

Это поразительное качество Юрия Владимировича. Если обещал, нужно сделать. «Я же обещал быть вовремя, нельзя опаздывать», — часто произносил он эту фразу. Если не удавалось выполнить обещанное, он расстраивался.

Еще звонок.

— Мы сегодня долго беседовали с Раисой Александровной (Р. А. Глушко — заведующая терапевтическим отделением клиники, где лежал Ю. В. Никулин. — В. Ш.). Она, оказывается, и войну помнит, медсестрой была, много рассказывала интересного. Поразительная женщина. А какой специалист! Поговоришь с таким врачом, и легче становится. Я теперь ничего не боюсь, что будет — то будет. Я ведь знаю, делают операции, а из трех операций одна может быть и неудачной, понимаешь. Я это знаю. Как наши дела?

— Какие дела, — отвечаю я. — Нужно переиздавать книгу «Почти серьезно...». С фотографиями, с добавлениями.

— Володя, Володя, давай подождем. Выйду из больницы, тогда и решим. Я не хочу, чтобы книжка вышла и лежала на прилавке. Пусть лучше люди ищут книгу, понимаешь? Давай в следующем веке. (Прозвнес фразу и усмехнулся. Ведь до следующего века три года осталось, вроде немного).

Еще звонок.

— Как самочувствие?

— Ночью гроза была. Проснулся. Было два таких сильных удара, я думал, что попало в дом, и все сейчас расколется. Долго не мог заснуть, но никого не звал. Я сегодня в неважном состоянии. Таня придет скоро. Сахар вчера повышался. Под утро меня разбудили — лекарства принять. Против диабета. Потом звонил по телефону. Разговаривал со своими. Поздравил брата двоюродного. Ему 60 лет. Мы же собирались с Таней быть у него на дне рождения. Да... Устал от одиночества, а разбавлять его не хочется. Смотри — афоризм получился. (Смеется).

— Ты помнишь фразу Михаила Жванецкого «Не нарушайте моего одиночества, но и не оставляйте меня одного».

— Да, хорошо. Но я не один. А мне сказали новый тост, который произносит человек за столом:

«Я пью, дорогие друзья, чтобы каждый из нас умер спокойно. Как умер мой дядя. Спокойно, во сне, с улыбкой на лице. В то время, когда остальные кричали, орали, проклинали. Это был момент, когда автобус, который он вел, летел в пропасть».

...Поговорил с врачами...

Что будет — то будет.

Я ведь знаю, делают операции, а из трех операций одна может быть и неудачной, понимаешь. Я это знаю...

— Чернышский юмор. Мне хотелось бы более оптимистичных тостов.

— Ну что делать, — усмехаясь, продолжал Юрий Владимирович, — а дядя спал за рулем.

Пауза. Долгая пауза.

Когда на следующий день Юрия Владимировича на каталке везли на операцию, он всем рассказывал уже другой анекдот. И все смеялись. А потом... Что было потом, все знают.

А теперь? Татьяна Николаевна Никулина работает в цирке консультантом, сын — Максим Юрьевич — директором. Я ставлю пленку. Слушаю его голос. У меня осталось записей более чем на двадцать часов. Мне это помогает...

Полосу подготовил Алексей БЕЛЫЙ.
Фото Р. КУЧЕРОВА.

Никулин Юрий Владимирович